

Извращенность

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Наст

Алексей Наст
Извращенность

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наст А. Н.

Извращенность / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2483-7

Бизнесмен Артем Арбузов идёт по жизни уверенно - жёстко давит всех на работе и дома. Ради бизнеса сводит жену с начальником УВД - у них в молодости была первая любовь. А после жена тонет. Сын подозревает, что гибель матери не случайна. На бизнес давят рейдеры - возникает видео, где Арбузов-старший в постели с невесткой! Сын решает продать акции. Артём же узнаёт, что его дети (сын и дочь) - любовники! Замечательный авантюрный развлекательный роман! Непредсказуемые повороты сюжета, шокирующий конец! Но конец, далеко не конец -- читайте продолжение жёстких приключений в романе "Извращенность 2. Жестокие сердца". Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2483-7

© Наст А. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

«»»»»»

«Мерседес» бесшумно летел по трассе, только шуршание шин о поверхность асфальта выдавало его соприкосновение с поверхностью. Новейший «лайнер» был внушительен, как самолёт – его Арбузов купил позавчера. Отвалил бешенную зелень. Можно было не брать, и так два чёрных «Хаммера» составляли обязательный эскорт его «порше-кайену», но все, мало-мальски денежные мешки имели «кабанов». Требовалось держать марку.

Рабочие на заводе остались без зарплаты. В который раз. Ропщут, выкрикивают дрянные словечки, грозятся устроить голодовку, и бастовать. Пусть голодуют – хрен с ними! Но работа стоять не должна, не может такого случиться!

Ещё утром, управляющий заводом Огурцов, позвонил ему домой, и рассказал о ропоте – рабочие толпятся у административного здания, настроены агрессивно. Узнали о проколе с зарплатой.

Трудный будет сегодня денёк. Ропот и шатание – это дополнительная блевота, в нагрузку к основной заботе...

Арбузов нервно протёр ладонью сухое, одутловатое лицо (ему было уже пятьдесят пять), в раздумье глядел, сквозь тонированное стекло, на скошенные луга, прорезанные перелесками. Трудно быть хозяином жизни, делать её по своему усмотрению, ужасно трудно. Вначале думалось: потерплю ещё немного, и дальше всё пойдёт, как по маслу. Как бы, не так! Каждый день и час, ждешь дерьма. То, что затевалось в последнее время за его спиной, было самой подлой и опасной гадостью... И кем затевалось!

Он рвал себя на части, пытаясь найти выход... Всё этот проклятый завод, завод, который дал ему всё, и всё отнял!

На завод он попал ещё молодым парнем, год за годом делал карьеру, учился, льстил и подсиживал. Вытерпел лихие девяностые, когда жилось впроголодь, а работалось за идею, что завод будет жить и процветать при новых хозяевах-капиталистах, прибравших к рукам лакомый кусок, после махинаций с ваучерами. При новом строе, даже немного упрочил своё положение, но, не смотря на опыт и прилежание, ощущал себя уже бесправным холопом, которого могли выкинуть на улицу, по любой прихоти.

К новому переделу, когда по стране покатила волна рейдерских захватов окрепших и вставших на ноги предприятий чиновниками, ментами и крупными преступными синдикатами, он, Артём Петрович Арбузов, зрелый муж и состоявшаяся личность, пришёл в должности главного инженера завода фарфоровых изделий «Луговский фарфор». В то время, уже во всю, шла закулисная борьба «неизвестных» рейдеров с собственниками завода, «красными директорами», давно привыкших к тому, что приватизированный в девяностые годы двадцатого века кусок государственной собственности, испокон их собственный. Но, не смотря на специфические суды, в далеких деревнях с жуткими исками и обвинениями, прибрать завод, не имея своего человека в стане «врага», было не возможно. Тогда и пришёл к Арбузову случай стать богачом.

Наезд на завод осуществлялся местной мафией, на происки которой всегда можно было кивать, в случае каких-то сбоев, а после, завод должен был уйти основному «заказчику». Прикормленные местной властью «братаны», напрямую окучивали директора завода Еремеева, чтобы он бросил старых хозяев, и пошёл под «братву», оставаясь управляющим, за хорошую мзду. Но Еремеев не поверил «братве» – они легко обещают, только выполнять обещания не спешат. «Братаны» не расстроились – они профильтровали весь инженерно-управленческий аппарат, и вышли на Арбузова – его честолюбие и алчность бросались в глаза. Ему предложили стать «боссом» – завод отсудят и переписут на его имя, а уж он, тихонько распродаст его по частям всяким подставным оффшорным фирмам, которые передадут акции настоящему, «тай-

ному» владельцу. Поговаривали шепотом, о какой-то «шишке» федерального уровня, приближенной к кормилу власти.

Арбузова предупредили, что денег на него не пожалеют, но держать будут на коротком поводке. Вот тогда Артём Петрович крепко призадумался. Это был шанс и шанс единственный за всю прошедшую, и на всю оставшуюся жизнь. Он долго комбинировал, как извлечь из масляного предложения максимальную выгоду и, когда нашёл щелку, через которую он смог бы утащить завод только для себя одного, оставшись живым и счастливым, решительно согласился!

Этой щелкой была его жена. Да, да, любимая супруга Анна Сергеевна. Ей уже было сорок лет, но она по-прежнему представляла собой аппетитную туготелую красавицу. Вообще, Семья у Арбузова была идеальная – жена – лапочка, сын – двадцатитрехлетний умник, оканчивающий институт, и дочь – приятная и добрая, двадцати двух лет от роду, будущий экономист. Чего желать! Все любят папу, уходя, все целуют маму в щечку: «Как дела, мамочка? Пока, па!».

Жена досталась Арбузову уже «пользованная». Он не любил этого слова, но оно всякий раз всплывало в мозгу, когда он вспоминал молодость и первую любовь. Перед тем, как стать миссис Арбузовой, юная Аня делила плотские радости с гадким прыщавым лейтенантом милиции Кожиным. Кожин был влюблен в неё по уши, но вот Арбузов всё им разметал. Стала Аня женой Артёмки Арбузова, мастера по литью фарфоровых чашек и блюдец, прожила с ним счастливо, принесла добрый приплод и старалась хранить в доме атмосферу семейного уюта, которую Арбузов так ценил. А Кожин стал полковником милиции, и после основательной чистки рядов и переименования силового ведомства, был назначен на должность главного силовика области. Это случилось как раз в момент решающей схватки за владение заводом. Он всё также любил Анну.

Коварный Арбузов именно это старое влечение решил использовать для блага себя и, конечно, любимой семьи. Нет, он не собирался толкать супругу на разврат, но пококетничать и свести его поближе с Кожиным она была в состоянии. А там, опираясь на могущество Кожина, можно было легко избавиться от охамевшей самоуверенной братвы. Про федерального «заказчика» Арбузов не думал – тот подгрёбал под себя оптом, не вникая в конкретику, из-за прокола с каким-то там «заводиком», на рожон не полезет.

Узнав его план, жена возмутилась.

– Дура! – сердито крикнул Арбузов и хлопнул тяжелой ладонью по столу. – Не можешь раз постараться для семьи!

– Да он приставать начнёт...

– Ты потерпи. Полегоньку пусть, но не так, чтобы... Ну, ты понимаешь. Хи-хи, там, ха-ха. Он нужен... Или тебе не осточертело жить впроголодь?!

– Мы не живём впроголодь.

– Так будем!

В общем, он её уговорил.

Наведавшись в кабинет к Кожину, и пояснив, что ей и её непутёвому супругу требуется помощь и покровительство, Анна пригласила Кожина к себе на ужин – Арбузов в домашней обстановке, за рюмкой водки, собирался сторговаться с первым любовником дорогой женушки. Кожин, к тому времени вдовец, имеющий взрослого сына-студента, согласился наведаться и даже взглядом не показал, что держит в уме старые желания.

Ужин был скромный, сидели втроем – Арбузов, Кожин и Анна, ели, пили, Кожин иногда танцевал с хозяйкой, хозяин хмелел, гость часто курил. На кухне, за очередной сигаретой, Арбузов попросил помощи и пообещал быть щедрым в благодарности. Хитрый Кожин на всё выбубнил только две фразы:

– Понимаю. Надо подумать.

Потом пили ещё. У Артёма от ощущения неудачи (деньгами этого хрена не купишь!) разболелась голова, он совсем осовел от выпитого, выпил ещё, чтобы совсем отрубиться, и ушел в другую комнату. На диване он провалился в забытие. Он и спал, и не спал, слышал где-то там, далеко, может быть в зале, или во второй спальне, или в своём мозгу, шепот, скрип и утробные, чавкающие звуки:

–Скрип, скрип. Чавк, чавк. Шлёп, шлёп. Повернись на бок. Ногу чуть... Неудобно... У тебя огромный! Забыла!? Чавк, чавк. Шлёп, шлёп...

Утром Артём проснулся от дичайшей головной боли. Была суббота – выходной день. Он долго умывался, с трудом припоминая, чем закончился вчерашний визит Кожина, но так и не мог внятно вспомнить, чтобы было реально, а что пригрезилось... Весёлая, даже помолодевшая жена, ласково пожурила, сервируя стол к завтраку:

–У-у, пьяница! Вчера отрубился. Мне перед Кожиным было неудобно. Вы не договорили.

–Он пьёт, как верблюд, и не пьянеет.

–Пригласил нас сегодня к себе на дачу. Будут шашлык и рыбалка. У него дача на Солнечном озере.

–Знаю. Там у всех «шишек» дачи. Когда он ушёл?

–Ты уснул, он посидел с полчаса, думал, что проснёшься, а потом ушёл.

–Чёрт, похмелье дикое. Дай водки.

–А машину кто поведёт?

–Ты. Видишь, в каком я состоянии. Он к тебе не приставал? Не лапал?

–Намёки делал прозрачные, но, видимо, так, для приличия...

–Как это? – удивился Арбузов. Как можно делать неприличные намёки, чтобы соблюсти приличия?

–Он, как ты выражаешься, «шишка», а мне сорок лет. Можно не углублять тему?

–Фигня. Я знаю – ты ему нравишься...

–Я дипломатично уводила разговор на тебя, чтобы не ворошить прошлого...

–Ты так уводи, чтобы он думал, что может с тобой...

–Фу, гадости говоришь.

–А я хочу? Надо! Выкупим завод, по-другому заживём.

Дача Кожина находилась далеко за городом, в сосновом бору у прекрасного озера. Живописные берега, песчаные пляжи – эти места давно пришлись по вкусу властьдержащим. Дачи не были огорожены каким-то забором, но в народе считались закрытой территорией и туда старались не заезжать.

Кожин принимал Арбузова и Анну, вместе со своим сыном – светловолосым высоким красавцем Станиславом. За шашлыком и выпивкой, у бревенчатого коттеджа-теремка время летело незаметно. Потом, все вместе, вчетвером, пошли к озеру удить рыбу. Кожин заметил, что Анну не интересует ловля, и предложил ей насладиться в домике видеофильмом с видами старой Европы под так любимую ей классическую музыку.

Арбузов хмуро следил за поплавком. Иногда следовали ленивые поклёвки.

Станислав поймал двух увесистых линей.

Кожин, провожавший Анну в домик, не показывался уже с полчаса. Арбузов нервничал и поглядывал на часы.

–Что-то клёв плохой, – заметив его нервозность, мягко произнёс Станислав. – Пойду, принесу прикормку и посмотрю, где отец. Может, опять служебные дела отрывают?

Станислав ушёл. Арбузов чувствовал, как всё внутри его сотрясается от гнева – Кожин, конечно же, сейчас пользуется его женой. И вчера это был не сон, и не пьяное дурное наваждение – он драл её, пока Артём спал.

Его возмутило, что Анна оказалась такой довольной сегодня утром. Вчера, значит, ей понравилось со своим первым любовником старое вспоминать! Стерва! А он доверился ей, любил эту суку все эти годы.

Злясь, Арбузов пошёл к домику.

Он миновал несколько полян, запыхался – дородное тело вспотело, и появилась одышка. Остановившись, он вдруг осознал, что не испытывал сожаления от измены жены. Он подсознательно был готов к такому повороту событий. Хрен с ней, всё равно бывшая страсть прошла. Пусть потрахается, лишь бы своей шарманкой «уговорила» Кожина помочь. Ставки слишком высоки в игре, которую затеял Артём Арбузов!

Он пошёл к домику спокойнее, а у резного крыльца совсем начал красться на цыпочках. Он слышал, как из окна раздавались скрип старой деревянной кровати с пружинным матрасом и постанывания Анны. Он усмехнулся – стонет, как проститутка. С ним она себе такого не позволяла, молчала, сжав губы, словно партизан на допросе.

Он осторожно заглянул в зашторенное окно. Сквозь щель между клетчатými шторами была видна широченная кровать, застеленная белым в цветочек покрывалом, обнажённая Анна, потная и расслабленная, и кабан Кожин, похожий на крупного самца гориллы. Было удивительно видеть Анну под другим мужчиной, всаживающим в неё свой член, сжимающим своими толстыми короткими пальцами её полные груди с торчащими от истома сосками. Кожин блеснул от пота, и «работал» медленно, с остановками.

Дверь в комнату была открыта. Арбузов заметил в дверном проёме Станислава. Тот не был смущен, застав отца, покрывающего чужую жену. Кожин тоже заметил сына, тоже не смущился, но прекратил соитие, поднялся. Он что-то коротко сказал Анне, хлопнув ладонью по бедру. Она, с прикрытыми от неги глазами, повернулась на живот. Кожин взял её за ноги и стянул до половины кровати, поставив коленями на пол. Она полулежала, блаженно улыбаясь, предоставив свои сокровенные места для дальнейшего.

Кожин возобновил медленные, ритмичные движения, опять до ушей Артёма Петровича дошли знакомые звуки из сна:

–Шлёп, шлёп... Чавк, чавк...

Дальнейшее Арбузова изумило и заставило озадаченным уйти обратно к своим удочкам. Кожин-младший, всё это время наблюдавший за отцом с одобрительной улыбкой, вдруг бесшумно снял свои джинсы и плавки, и пробрался к отцу. Тот извлёк свой бивень, и туда тут же внедрил член Станислава. Анна застонала, понимая происходящее, но делая вид, что не замечает подмены. Кожин-старший, вытирая полотенцем потные лицо, шею и поясницу, пошёл прочь, а Станислав продолжил азартно вбивать свой клин. Это была фирменная шутка Кожиных.

Арбузов сидел на берегу озера, словно в оцепенении. Увиденное его потрясло, он даже подумал, что никогда не любил Анну. И ещё, его поразило собственное равнодушие к происходящему в домике.

Вернулся весёлый и бодрый Кожин.

–Э, Артём Петрович, бросай ты эту рыбалку! Не тот день сегодня!

Он запросто обнял Артёма за плечо, и тут же, без перехода, назвал сумму вознаграждения за помощь. Деньги можно было передать потом, когда прибыль от захваченного завода пойдёт в карман Арбузову.

Артём Петрович и притихшая Анна домой вернулись в полном молчании. Артём, не смотря на то, что был сильно пьян, не боясь уже никого и ничего, сам вёл машину. Анна жалась на заднем сидении.

Дома Анна, сославшись на утомление и головную боль, сразу ушла в спальню, и легла в постель. Арбузов принял холодный душ, который обжег и отрезвил. Так или иначе, дело теперь было на мази!

Картины секса в его воспалённом воображении, где Анна сначала была с Кожиным-отцом, а потом с сыном, возбудили его необычайно. Он, как попало, отёршись, ворвался в спальню и жадно, не взирая, на протесты жены, с удовольствием овладел ею раз и ещё раз, а потом, не удовлетворённый до конца, принося ей боль, сблизился с ней в содомии.

Так бурно он не любил лет пять! Последнее соитие было месяца три назад и такое вялое, бесцветное, не удовлетворившее обоих, что теперь, после того, как муж овладевал ею, громко крича, Анна задумалась. Её взгляд спрашивал, уж не видел ли Артём её «падения»?

После секса, ничего не говоря, снова приняв холодный душ, Артём Петрович, не взирая, на выходной день, поехал на «стрелку» к братве – он был согласен на условия своих криминальных «нанимателей».

Далее, купленный суд принял нужное решение, купленные люди в регистрационной палате переписали весь завод на Арбузова. Директор Еремеев, понимая, что пролетел вместе со своими неповоротливыми хозяевами, получив удар в спину от своего главного инженера, глупо орал на Арбузова, ещё не сознавая полного поражения, грозил стереть выскочку в порошок.

Еремеева выгнали за ворота завода присланные Кожиным бойцы одного из подконтрольных ему ЧОПов, которых, в свою очередь, не разрешали трогать, опять же, присланные им милиционеры (уже полицейские).

Арбузов, днюя и ночуя на заводе, крепко закручивал гайки. Из крепких парней, завёл свою охрану, задобрил рабочих премией, рассчитал людей Еремеева, разорвал договоры с фирмами-посредниками, которые были в доле с Еремеевым, и зарегистрировал свои фирмы в оффшорах, отдав им закупку сырья для производства и сбыт готовой продукции, Всё с большим дисконтом, чтобы хапать сразу в свой карман, и помногу. А завод? По большому счету, тогда было плевать и на завод. Случись что, Правительство всегда спасёт, выдав льготные кредиты, ради рабочего быдла, чтобы не вякало, не тревожило власть. На эти кредиты можно будет снова закупить недвижимости за рубежом, земли, золота на некие оффшорные фирмы, и, в случае чего, сбежать богатым и счастливым навсегда из России. Обычный план хитрожопого российского умника. Арбузов закусил удила – ему было всё равно, лишь бы выполнить свой грандиозный план обогащения.

Пошли первые деньги.

И сразу напомнила о себе братва: столько-то денег в общак, тех-то, тех-то парней в руководство и на солидные оклады, те-то и те-то иномарки за счёт завода купить для бандитской элиты. И тд, и тп. Преступники, вдруг «заполучив» завод, резонно решили, что пока не стоит скидывать такой роскошный актив какому-то федеральному говнюку (он, всё равно, не поймёт, что получил, что обломилось – рейдерские операции шли в огромных масштабах, по всей стране).

Арбузов мрачно усмехнулся. Он предвидел, что жадность подведёт бандюганов. Были бы они нормальными людьми – не сидели по зонам, не умея сдерживать свою алчность. А так, придержав завод от «заказчика», они упростили Арбузову задачу. Теперь из Москвы их никто не собирался «прикрывать»!

Один звонок Кожину – всех взяли в один день, били по соплям, пока не усрались, и не дали «признательные» показания во всех своих грехах с момента рождения. Пошли по зонам на большие сроки.

Так Арбузов стал хозяином завода.

Он ещё, боялся первые два месяца, что те, кого он кинул, передадут с зон весточку, и его грохнет какой-нибудь не выявленный браток. Организованная по военному образцу и оснащённая крутым оборудованием служба его охраны сканировала пространство, выискивая опасность. Большие деньги, падающие, как манна небесная, в его карман, дали ему возможность отследить, кто из нагретых им братанов, отбывал срок, в какой зоне, и, за мзду, всю причаст-

ную к делу братву, истребили в казематах. Кого-то резанул злой урка, кто-то утонул в нужнике, кто-то повесился с тоски, кого-то застрелили при попытке к бегству.

Амба, Арбузов чемпион!

Оставалось расплатиться с Кожиным, и избавиться от ставшей ненавистной суки-жены.

Мысль об Анне, чёрная и плохая, давила Арбузову в мозг, мешая работать.

Вскоре Кожин получил новое назначение с повышением – переводился на Федеральный уровень, в столицу округа. Его сын позвонил Артёму на завод и попросил прислать к ним на дачу Анну (отец не хочет беспокоить самого Артёма Петровича), чтобы уточнить оставшуюся часть оговоренной mzды с завода и какими частями её следует передавать, и в какие сроки. Артём вздрогнул, как от пощечины – Кожин-извращенец вновь собирается паялить его жену на пару с сыночком! И слова о mzде! Они вынюхали, какие барыши пошли к нему в карман, и теперь сдавят его шею новыми непомерными требованиями! Ах, волки! И тут же подумал, что может быть, овладевая Анной, этот скот поимеет совесть и не станет драть с него три шкуры.

– Она приедет, – выдавил из себя Арбузов, и хлопыстнул трубкой об аппарат. Но тут же поднял её, набрал свой домашний номер.

Голос Анны был сонным и тусклым.

– Алло, я слушаю.

– Езжай к Кожину на дачу. Сейчас.

– Одна?

– Да, – Артём говорил резко, отрывисто, через силу. – Убеди его, чтобы не драл с меня три шкуры. Всему должна быть мера. У нас изначально с ним оговоренная сумма и новых поборов не выдержать.

– Артём, я не хочу...

– Послушай! ... Это надо нам. Чем меньше он возьмёт, тем больше достанется нам, нашим детям.

– Артём, я тебя не вижу три месяца, ты не выходишь с завода, не звонишь, когда звоню я – не берёшь трубку.

– Наводил порядок.

– Нет, Артём, я не хочу ехать к Кожину, и мне совсем не нравишься ты, и твой завод. Ты забыл и меня, и детей. Зачем тогда всё?

Арбузов притворно смягчился:

– Я понимаю, что ты злишься. Съезди, я прошу. Больше ездить не придётся – он уезжает. Завтра воскресенье, я приеду домой. Всё будет хорошо, как раньше. Здесь был завал, я всё раскидал, теперь всё работает ритмично. Съезди, пожалуйста.

– Ну, хорошо.

Он сразу положил трубку. Не хочет она, кривляется, а сама, поди рада, снова подлечь, под Кожинскую семейку.

От злости, Артём захотел есть, позвонил в столовую. Ему принесли в кабинет рассольник и две котлеты с подливой. Он жадно ел, представляя, как Анна стонет от удовольствия под Кожиным-старшим. Гадкая шлюха! Он возбудился неимоверно от этого видения, не смог есть, бросил ложку в стену. Сейчас бы трахнуть какую-нибудь девку. Жаль, секретарша – старуха, спец, но старуха, оставшаяся ещё со времен Еремеева. Она могла быть шпионкой, по идее, но он верил, что старуха слишком честна, чтобы продолжать работать на Еремеева – Еремеев теперь никто, завёл себе жалкую оптово-розничную фирмочку, торгует, чем придётся...

Артём нервно вскочил из-за стола, и побежал вон из кабинета. В большой приёмной кинул взгляд на старуху – её надо уволить, посадить за компьютер смазливую бл—ь, чтобы в любой момент могла подставить или сделать минет, лучше замужнюю и с детьми, иначе пойдут толки, что он уволил старую высококлассную профессионалку ради своей похоти. Да, и хрен со всеми, пусть думают, что хотят, он теперь здесь царь и бог!

Старуха хотела спросить, куда он так заторопился, но Арбузов отмахнулся, оказался в коридоре, по широкой мраморной лестнице спустился на первый этаж, пересёк вестибюль, и вышел на крыльцо заводоуправления. Его шофёр Толик, заметив «хозяина», подал внедорожник под руку. Артём, нервно приказал ему отдыхать, сам прыгнул за руль, и помчался к Солнечному озеру. Его распирало желание ещё раз увидеть, как Кожин овладевает Анной, бессмысленное, глупое, но этому желанию невозможно было сопротивляться.

Всю дорогу он был, как в бреду. Машину бросил в лесу, не доезжая до дачного посёлка. Долго бежал между соснами, ориентируясь на блеск воды вдалеке. Запыхавшись, неожиданно вышел к лощине, поросшей орешником. Впереди было озеро и рубленая из бревён баня Кожина. Стояла она на берегу, и прямо от дверей тянулся к воде дощатый настил. Дверь была открыта. Изнутри вырывался белый парной воздух, слышались мужские голоса. Молодые голоса, смех, гогот. И вдруг из бани выпорхнула, совершенно обнажённая, мокрая, красная, с прилипшими листиками берёзового веника, смеющаяся Анна. Она показалась Артёму прекрасной.

Она запрокинула назад голову, подставив ветру лицо. Её фигура, приятная, с полными грудями, небольшим животом, мягкими, округлыми ягодицами и крепкими стройными ногами, показалась Арбузову юной и чистой, словно Анне не было сорок лет, и её дети уже не были взрослыми людьми.

Из бани вышел молодой субъект (не Станислав) – какой-то, коротко стриженный парень, худой и высокий, с радостной улыбкой и большим торчащим членом. Он подошёл к Анне сзади, сдавил своими руками её полные груди. Она прижалась затылком, улыбаясь, к его плечу, опущенная рука нашла и сжала член.

Арбузов отрезвел. Он видел шлюху Анну, счастливую, которая мылась в бане с мужиками, судя по голосам – троими. К Кожиным присоединился дружок Станислава! Артём громко усмехнулся. С какой же дрянью он жил все эти годы!

Худой парень, тем временем, уже во всю совокуплялся с Анной, заставив её прогнуться вперёд.

–Хлоп, хлоп, хлоп.

–А мы? Хе-хе, – из бани вышел Станислав и тоже молоденький, но толстяк, парень-коротышка. Они оба были на взводе, готовые «любить».

Артём поразился – Кожина-старшего здесь не было! Станислав его провёл! Он вызвал Анну для себя и своих дружков. Полковник мог и не знать, о здесь творящемся!

Он вдруг расвирепел, представив себя со стороны, стоящего в кустах орешника, с крутыми ветвистыми рогами. Он физически почувствовал, как из головы над ушами лезут они, костяные, вытягивающие мозги. Рогац! Его жену-шлюху трахают сынки крутых людей! А может, даже не сынки, а простолюдины – сынок только Станислав, а эти, нищета, человеческая мелочь, неудачники... И его жена с ними... с удовольствием ублажает этих мразей! Сколько раз она уже спарилась с ними? Пять раз? Десять? Они молоды и неутомимы. Сука! Грязная сука! Она не человек, а, реально, самка собаки!

А может, Кожин знал, и позволил сыну позабавиться напоследок?

Он зло вздохнул – как бы ни было, он не должен прерывать оргию, не должен показать, что открыл всё. И теперь не уйдёшь – могут услышать. Придётся стоять, не шелохнувшись, и смотреть.

–Шлёп, шлёп, шлёп, – торопился высокий.

–Хватит тебе, – торопил Станислав.

–Дай кончить. Уже.

–Хватит! – буквально выдернул его Станислав, но высокий, хохоча, ухватил Станислава за руку, не позволяя занять освободившееся место, и они, борясь, отбежали к бане.

Коротышка, не теряя времени, подскочил к Анне, но не достал – Анна была высокой женщиной. Он ухватил её толстыми ручонками за бёдра, натягивая на себя. Она увидела, кто пытается сблизиться с ней, на губах заиграла снисходительная ухмылка. Коротышка встал на цыпочки, но не достал. И тут Анна, к возмущению Арбузова, согнула колени, одной рукой опершись в землю, чтобы не упасть. Неловкий Коротышка радостно тыкнулся, но не попал. Анне пришлось ему помогать, самой протолкнув член неумелого любовника и, когда Коротышка принялся за дело, улыбалась, поощрительно кивая ему головой, мол, молодец, хорошо.

Станислав и высокий, перестав шутливо бороться, подошли ближе, наблюдая за соитием высокой красивой женщины и неуклюжего Коротышки.

–Давай, Федя, кончи.

Коротышка потел, пуча глаза и отдуваясь, потом застонал, дёрнулся несколько раз в сладостных конвульсиях и замер. Расслабленно выдохнув воздух, сразу став безразличным, Коротышка покинул своё место. Станислав вознамерился тут же продолжить оргию, но Анна встала и направилась в баню, предупредив:

–Приведу себя в порядок.

Когда Анна вернулась, оргия продолжилась с участием всех сразу. Это длилось бесконечно. Крики, стоны разносились по округе, скача эхом среди деревьев. Потом компания отправилась купаться. Худой, оказавшись в воде, быстро-быстро поплыл на середину озера, где резвился уже Станислав. Анна не умела плавать. Она осталась у берега, держась за столбики, торчащие из воды. Коротышка оказался с ней рядом, спросил разрешения вновь сблизиться с ней. Она поощрительно кивнула головой. Она держалась руками за столбики, чтобы оставаться на плаву, а Коротышка, обняв её за талию, вошёл в неё и забурлил водой. Анна стонала громко и счастливо.

Артём, переживая увиденное, словно находясь в тормозящем наркозе, не боясь, пошёл прочь – его жена так громко плескалась с Коротышкой, что хруст веток под его ногами не могли услышать.

Он примчался на завод злее чёрта. Под руку попались два пьяных сварщика – с удовольствием надавал обоим в пятаки, измазав кулаки кровью и соплями, потом стремительно вошёл в столовую, залпом выпил стакан компота. Шлюха, какая шлюха! Дрянь.

Вне себя от обиды и унижения, он отправился домой. Никого не было. Анна ещё резвилась на даче, дети болтались по своим делам.

Арбузов бессильно рухнул на диван, вытянул усталые ноги. Вот он и богат, только вместо счастья и удовлетворения – жгучие боль и обида.

Зазвонил дверной звонок. Артём поднялся – если это Анна, ей конец! Оказались подружки дочери – худые восемнадцатилетние соплюшки, живущие рядом. Кира Сергеева, дочь толстого торговца обувным кремом – он держал отдел на городской барахолке, специализируясь только на средствах для ухода за обувью. Майра Кудашева, казашка – её папик был вечно пьяным сантехником в домоуправлении, а мамаша, смазливая и грудастая, с утра до поздна торчала на рынке, торгуя картошкой.

–Лена? – вопросительно посмотрели на Артёма девки.

Тот кивнул им, чтобы проходили.

Когда девки вошли, закрыл дверь на ключ, и указал, чтобы проходили в зал.

Девчонки, озираясь, не понимали, где их подруга. Оглянувшись, они схватили друг дружку в объятия – ужас дёрнулся в их зрачках – Артём стоял в дверях без штанов, возбуждённый, с безумным взглядом.

–Дядя Тёма, вы что?! – первой опомнилась Майра.

–Тихо! – рыкнул Арбузов, надвигаясь на девок. Он гудел от возбуждения, не контролируя себя. Падение Анны терзало его мозг. Ему было всё равно, что он совершает, лишь бы опустошить своё естество. – Снимайте трусы!

–А-а! – девки взвизгнули, и обе, толкаясь, ломанулись к запертым дверям балкона. – Помогите!!!

Артём настиг их, ухватил сильными клещнями за волосы, оттащил от дверей балкона, швырнул на диван. Соппротивление его раззадорило, и окончательно превратило в обезумевшего самца.

–А-а! – завыли соплюхи, закрываясь худыми руками, и дёргая ногами-палками.

Они были в коротких юбках, и сейчас Артём ясно видел их плавки.

Он резко и умело сорвал плавки с обеих. Девки рыдали, даваясь соплями.

–Мы же девочки! У нас ещё никого не было! – взвизгнула Майра. – Что вы делаете?

–Хрень всё это. Заплачу!

Артём задавил своим весом, развел в стороны тонкие девичьи ноги, и ритмично задвигался, сближаясь с затихшей Майрой.

Сжавшаяся в комок, дрожащая Кира, потрясённая, наблюдала за насилием, совершаемом над её подругой отцом другой подруги.

Артём вспотел. Он ощущал, как сексуальная энергия, поработившая его разум, улечивается. В последний момент перед оргазмом, уже соображая, он вышел из лона Майры, и разрядился ей на живот.

–О-е!

Враз обессилев, он поднялся на ноги, поглядел на покорную и испуганную до исступления Майру, тут же схватил свой бумажник с журнального столика, вытащил пятитысячную купюру. Кинул на девушку.

–Хватит? Нет?

Он вытащил, и кинул ещё одну пятитысячную.

Теперь он соображал на все сто!

Ужас в глазах Майры, её тщедушное, совсем не возбуждающее теперь тельце, две пяти тысячные бумажки, тонкие ножки-палки. Что за хренотень здесь творится? Он-то хотел Анну, свою проклятую шлюху-жену, хотел овладевать ею, назло её новым молодым любовникам, доказывая свою силу и своё право на эту женщину! А сделал он вот что! Сука! Всё из-за неё. Её бл—ство обезумило его. Никогда он не подозревал в себе извращённой похотливости – его возбуждало соитие жены с другими мужиками!

Артём упёрся взглядом в огромные, полные ужаса, но и наполненные каким-то странным интересом, глаза Киры. Прямо на её глазах, отец Лены лишил девственности Майру, она не кричала, не ощущала боли или неудобства, послушно лежала, и теперь у неё было десять тысяч рублей. Десять тысяч! За пару минут! Это же целое состояние для молодой девушки, можно закупить столько необходимой девичьей дребедени, чтобы потом выпендриваться перед подругами. Но потерять девственность... Хотя, ныне кому она нужна? Все девчонки до замужества отдают свою девственность придуркам со двора совсем просто так, между поцелуйчиками и глотками пива. Глупо и пошло...

Артём понял состояние этой... Она будет такой же, как его Анна – шлюхой.

Майра тяжело поднялась, забрала деньги, и ушла из зала. В ванной зашумела вода – пошла под душ. Артём расслабился – всё нормально, девка удовлетворена оплатой и поднимать кипеш не станет.

Артём ощутил новый позыв желания. Огромный заряд получил он, побывав на озере – давно такого с ним не случалось! Да, ещё ведь возраст подошёл – бес в ребро.

–А ты? – спросил хрипло.

Кира вдруг сползла по дивану, улегшись, и развела ноги...

Расплатившись, Артём ещё угостил девчонок чаем. Они были смущены. Обе сжимали в кулачках красные купюры и старались не смотреть друг на друга.

Артём позвонил на завод, говорил, а сам смотрел на них, этих молоденьких соплюх. Вот и сбылась его мечта – лишил девственности, да не одну, а сразу двух девчонок. Эта мечта долгие годы портила ему жизнь, и сразу же сбылась, как только он разбогател. Двадцать тысяч рублей и две целки! Хо-хо. Какая дрянь. Это «удовольствие» не стоит таких денег.

Отпуская девчонок, намекнул им на возможность дальнейших отношений:

– Будем дружить.

– Угу, – буркнула Кира. Майра промолчала.

Два дня он работал, не покидая завода. Технологический цикл требовал безостановочной поставки сырья. Заказы сыпались из-за границы, опережая производство. Требовалось оснастить новые цеха.

Артём задобрил рабочих, выплатив им задолженность по зарплате, повысил оклады управленцам.

Сам он только-только начал ощущать, что становится состоятельным человеком. Большие партии фарфора были отгружены на склады его оффшорных фирм – он дал указание продать фарфор, а всю выручку (всю!) обналить и в виде наличной валюты депонировать за границей в сейфовые хранилища. Никакой интерпол не заблокирует его счетов – их нет. Деньги будут нужны – курьерская служба пригонит спецавтобус и заберет из хранилищ контейнеры наличности.

Бухгалтеру он велел позабыть про уплату налогов, а выдачу следующей зарплаты отсрочить на месяц. Сначала он хапнет в собственный карман, и почувствует деньги, а уж потом...

Звонила жена – с ней он не стал говорить. Звонил сам Кашин, просил прислать очередной кейс, который он случайно «позабыл» у Артёма. Шла глупая игра. Полный маразм. Если бы власть решила это пресечь – сидели бы все пожизненно в тот же день...

Артём позвонил на сотовый сыну, попросил приехать на завод. Сын передал, что мать требует денег: «Где хваленное богатство?!».

Артём ухмыльнулся – да, она же старалась!

Полюбовавшись на кейс, полный упаковок долларов, убрал пять пачек – это плата жене. Кашин ведь развлекался, пусть сам и платит.

Когда сын приехал, хмуро посмотрел на него – он очень похож на мать, те же черты лица, тот же цвет глаз.

Сын сыпал восторгами:

– Пахан, ты гений! Такой заводщик! Немыслимо! Как ты его заграбастал? Сказка какая-то!

Становишься Рокфеллером? А?! А меняпустишь порулить? А? Наследника!

Слово «наследник» неожиданно резануло Артёма по ушам. Он ещё сам не ощутил прелести богатства, а сын его уже списал в утиль, уже примерил всё на себя и пожелал отцу скорой кончины! О судьба богача, твои дети молятся богу о твоей скорой смерти!

Сыну Артём ответил скупом:

– Доучись, и приходи рулить. А сейчас поедешь к Кашиним, шофёр знает куда.

– Кашин – это главный мент?

– Уже не главный – его переводят с повышением. Передашь кейс – мы с ним нечаянно поменялись.

Сын взял кейс, покачал в руке.

– Ого! Тяжелый. А твой он отдаст мне?

Арбузов не нашелся, что ответить.

– Понятно. Мзда, – ухмыльнулся сын.

– Антон, меньше слов. Езжай. Вон те пять пачек на столе передашь матери. Как она?

– А мне?

Артём зло выдохнул воздух.

–Поделись с матерью сам, сколько ей, сколько тебе... Так как мать?

Сын пожал плечами.

–Ездит к Роговой, у неё целыми днями. Наш дом опустел. Ты – здесь, она – на пляже Роговых. Ленка – с подругами.

–Езжай.

–Ты приедешь домой?

–Не знаю. Не сегодня.

–Понятно.

–Что понятно?

–Ничего. Просто, я предоставлен сам себе.

–Ха-ха-ха! – рассмеялся Артём, спросил сына с подковыркой. – Сам ты придёшь домой или пробиваешь меня, чтобы девок к нам навести?

Сын смущенно пожал плечом.

Артём хмыкнул.

–Понятно. Ты уже взрослый, сынок. Соскучишься по папе, приедешь сюда... Понял?

–Понял... папа.

–Кашин ждёт, ещё на поезд из-за своего кейса опоздает, крику потом не оберёшься...

Сын уехал.

Двое суток ничто не отрывало Артёма от работы. Приезжали иностранцы, звонили из мэрии, требовали на совещания и семинары, наведывались мелкие прохиндеи, пытались заинтересовать глупыми проектами, смысл которых сводился к одному – выпросить фарфор на реализацию без залога или добиться от Артёма поручительства для получения кредита в банке. С иностранцами Артём был любезен, пил кофе, говорил «плиз», подписывал выгодные торговые соглашения. Мэрию и прохиндеев посылал на хрен.

Братва, изрядно потрёпанная тяжелым на руку Кашиным, пронюхав, что Артём остался без милицейского покровительства, зачистила к заводской проходной. Но братки не учли одного – их время безвозвратно ушло, алчный Арбузов уже держал в своих руках золотоносный источник, он успел вжиться в роль хозяина, и у него появилась многочисленная и холённая охрана, готовая сделать для шефа всё на свете (первобытные банды этим товарищам не соперник, их рвут в течение суток, если есть приказ). Артём умел быть щедрым со своими людьми!

Братки, кривляясь и гордо вышагивая (это были, обычно, только отсидевшие и ещё живущие былыми воспоминаниями о бандитском беспределе), королями входили на территорию завода, а потом открывались высокие железные ворота, и их пустые расхристанные старые иномарки туда же вкатывали рабочие в серых халатах. Иномарки сдавали на металлолом, а братков, скрутив тут же, во дворе, убивали молотками. Трупы бросали в емкости с соляной кислотой. Теперь были другие времена, всё-таки 21 век!

Когда исчезли бригады Коростовского и Коли Напильника, братки поумнее, решили, что «Луговский фарфор» не такой уж лакомый кусок, во всяком случае, вокруг существовало множество фирм и предприятий, которые можно было легко «загрузить» и получать отступное в значительно больших объёмах и без опасения за свою шкуру. А новое начальство областной полиции, осторожно познакомившись с Артёмом, на всякий случай перевело его в «авторитетные предприниматели». Придумали же аккуратное название для богатых и приближённых к власти бандюков – авторитетные предприниматели!

Две недели Артём делал вид, что ничего не изменилось – он жил на заводе, ел, пил, спал, иногда спаривался с «подстилками». Кира и Майра названивали ежедневно, и спрашивали, когда потребуются их «услуги». Если Артём хотел, он посылал за девками купленный только что внедорожник «Ниссан-Патруль». Кира быстро научилась всяким б-ским приёмам и уже была не интересна, а Майра кривлялась и не желала делать минет, в остальном вела себя

покорной овцой. Артём теперь платил им не так щедро – по пару тысяч за визит, но девки были на крючке, не спорили.

Да, Артём делал вид, что ничего не изменилось, а изменилось главное – уехал Кашин, и это значило, что пришло время избавиться от Анны. Он с самого начала решил, что убьёт её, как только исчезнет опека Кашина.

Совсем недавно Артём нанял на должность главного управляющего, проницательного молодого парня тридцати двух лет, окончившего Вашингтонский университет. Фамилия у этого вундеркинда, сына областного чиновника с Крайнего Севера, была Огурцов, звали его Игорь Константинович. Само по себе заграничное образование Артёму было до балды. Были две причины. Во-первых, папа-чиновник-вор, пока его не успели вычистить, отрекомендовал Артёму своё чадо, как ловкого менеджера, оплатив назначение мздой в триста тысяч евро. Артём тогда подумал, что триста тысяч ему не помешают, а если сынок казнокрада начнёт применять знания отца, он его всегда успеет унять, всё-таки частная фирма, не государственное предприятие, где тащат все, от генерального управляющего до ночного сторожа и собак.

Итак, парень был красив, высок, умен и обладал обаянием, ему сразу хотелось верить. Плюс, ко всему, высокопоставленный папа-чиновник-вор – это много значит. Очень много. Почти всё!

Во-вторых, этот Огурцов около года проработал замом коммерческого директора на заводе Охтинского фарфора, и провернул там удачные оптовые сделки, сделав хорошую прибыль, долгосрочные контракты и получив солидные премиальные.

Артём сначала не стал баловать вундеркинда. Огурцов в начале месяца проработал замом по поставкам сырья, где проявил необычайную прыть – интригуя и комбинируя, добыл прорыв сырья по бросовой цене, удешевив производство.

Убедившись, что завод продолжает работать под руководством Огурцова в прежнем режиме (рабочие почувствовали обратное – в столовой сократили паёк, зарплату задолжали за два месяца), Арбузов направил свою энергию на устранение возникшего противоречия в своей новой богатой жизни. Он хотел разбогатеть ради семьи, но семьи не стало, как только он добился желаемого. А виной всему внезапно проявившаяся распутность Анны! Если устранить Анну, всё вернётся в прежнюю колею – у него вновь появится мир в доме, любовь детей и спокойствие в душе.

Следить за супругой, чтобы не опозориться, не доверил никому – следил сам. Он ещё не знал, как убьёт Анну, но действовать в данном случае требовалось аккуратно – это не бандитов молотками глушить, тут, в случае явного убийства, главным подозреваемым станет он сам – муж. Требовался несчастный случай. Но какой?

Анна довольно близко сошлась с супругой «пляжного короля города» Рогова – этот тип, имея родственников в городской архитектуре и Сбербанке, получил участки прибрежной полосы на местной реке, на льготный кредит насыпал пляжи песком, расчистил и оградил территорию, и стал взимать плату.

Лето стояло жаркое, и все три оборудованных пляжа были переполнены.

Специально для крутых Рогов организовал суперпляж – с белым морским песком. Его жена – тридцатипятилетняя фигуристка блондинка, коротко стриженная и низенькая, волжская немка по национальности – Нора, большую часть времени проводила лёжа на пляжном лежаке. Её обслуживала личная челядь – две девки-массажистки, инструктор – бывшая пловчиха, чемпионка Европы, две официантки и визажистка. Когда Рогова отдыхала на «своём» пляже, туда не пускали никого... кроме Анны.

Артём поражался, как можно целыми днями праздно валяться на солнцепёке? За Анной не водилось такого пристрастия к купанию и загару. Но за ней и похотливости все эти годы замечено не было! И эта пляжная жизнь навела Арбузова на мысль, что его супруге суждено днями утонуть – такое устроить проще простого. Только бы погода не подкачала!

Решив, как она умрёт, Артём испытал некоторое облегчение, словно палач, пребывавший в нерешительности, как проявить своё «искусство» в самый важный момент своего труда. Поняв это, он испытал радостное расслабление. И тут же проявилось деятельное движение – отправил двух парней в ближайший мегаполис за аквалангами и водолазным оборудованием – в городе покупать эти штуки не хотелось, ибо только одна фирма торговала такой фигней, да и то, между делом, и не могла уже год продать единственный акваланг и подводное ружьё с гарпуном. У новой полиции могли возникнуть ненужные ассоциации: утонула жена Арбузова, а перед этим купили акваланг в магазине «Олимп», а до этого целый год не покупали. Требовалось предусмотреть всё, до мельчайших деталей.

Итак, парни укатили на поезде в мегаполис, покупать наборы «юных дайверов», а сам Артём, перебравшись на другую сторону реки, поросшую тополиным лесом, устроил пункт слежения. Река была широкая, около километра, и он взял с собой оптический прицел от любимого карабина «Русь» последней модели. Дорога удачно выходила прямо к берегу. Он приезжал сюда на своём «Патруле» и, сидя в салоне, смотрел в прицел на отдых супруги.

Первые же наблюдения подтвердили самые худшие предположения. Пляж был пуст. Анна плескалась на мелководье. А Нора (кому ещё быть!) лежала обнажённая прямо на песке, разведя великолепные ноги в стороны и её пялил, потея, противный Коротышка!

Тот самый, что барабанил Анну в бане Кожиных! Вот почему ей так стал нравиться отдых на песочке! Ах, шлюха! И Нору совратила! Артём уже был уверен, что это Анна притащила на пляж Коротышку. Конечно, у этого карлика слоновий член. И яйца огромные. Парню, естественно, тяжело приходится ходить с такими тяжеленными яйцами.

Крестик прицела ползал по заднице Коротышки. Рука Артёма подрагивала. Было бы в руках ружьё, не выдержал, надавил на курок.

Убрав окуляр от глаз, и успокоившись, Артём вновь продолжил смотреть. Как же хороша эта Нора! Вообще, немки необычайно чувственны, красивы и сластолюбивы, для русских мужчин это самая лучшая отрада! Она всегда держит в доме порядок, а все авантюры мужа, обычно, сама и начинает, но ведёт дело так, что все, и муж, и дети, и соседи, и она сама, считают мужа самым главным в их ухоженном и сытом мире.

Артём тут же подумал, что русскому мужчине иметь жену еврейку тоже полное счастье – всё тоже самое: любовь, уважение, дети-красавцы, все его самодурства принимаются с полной покорностью, только иногда наезжает родня, тоже с полной покорностью, и ты уже весь в деньгах и должностях, которые тебе не нужны. Тут надо иметь особый, сильный характер.

Да, Рогов – рогач! Вон, как Норе нравится соитие с Коротышкой, как она округлила рот, стена и охая! Рогов рогач на всю катушку! Фамилия даже подходящая: Рогов – рогач! Коротко и ясно.

Артём порадовался, что в руке только прицел, а не ружьё, но пожалел, что это не видеокамера, такую сцену заснять было бы очень кстати, мало ли, что на уме у Рогова! Видно, что при поддержке властных родственников, он идёт в гору, и в будущем, дорожки Рогова и Артёма обязательно пересекутся.

Вон значит как, они (Артём и Рогов) не спят, не едят вдоволь, в туалет лишний раз боятся отлучиться, терпят до последнего – деньги делают, а жены, вместо благодарности и верности, трахаются с карликами!

Как вот с этим бороться?!

Вернувшись из воды Анна, уже жадно припала к члену Коротышки, который был совершенно серьёзен, и давал ей какие-то указания! Ну, и что после этого делать?!

Артём, наблюдая за жадным минетом, со злостью, не замечая, что говорит в слух, твердил:

–Корми её, корми. Может, подавится.

Артём, поотчётливее, навёл резкость. Он читал в одном кулинарном журнале, что употребление перед соитием грецких орехов, вызывает выделение во время оргазма огромного количества спермы, и она получается первосортная – густая, пряная, чисто белого цвета. Карлик, видимо, сожрал этих орехов десяток килограммов – вылил Норе в пасть чуть не майонезную банку белого соуса. Гадёныш.

Коротышка блаженно жмурился, а обе шлюхи – Нора и Анна, торопясь, на пару, делали ему, успокаивающий минет.

Да, такого удовольствия он, Артём Арбузов, никогда не испытывал. И собой не дурён, и, теперь богат, а этот карлик, ничтожество, палец о палец не ударив... Он поплатится за всё! За всё!

Парни вернулись с аквалангами через сутки. Артём выждал ещё день – давили тучи, и мог в любую секунду сорваться тяжелый мощный ливень. Карлик, Нора и Анна, словно чувствуя свою обреченность, превзошли в следующий день сами себя. Артём велел себе, во имя своих детей, забыть то, что вытворяла их мать с Коротышкой, и с Норой...

На другой день была хорошая погода...

Анна утонула.

Аквалангисты, когда она зашла в воду по грудь, рванули её на глубину и держали, пока бедная женщина не захлебнулась. Через два часа после трагедии, Артём велел удавить аквалангистов и растворить трупы в кислоте – палачи-охранники исполнили приказ. быстро и не задумываясь...

Были похороны, слёзы детей, тяжёлая гнетущая обстановка в квартире(теперь Артём приезжал ночевать домой). Расследовать несчастный случай никто не собирался...

Так Артём Арбузов стал вдовцом.

Его архары выследили и похитили уroda-коротышку. Его держали в подвале на недавно купленной Артёмом лесной даче – для расправы над ним ему требовался особый настрой, и он ждал, как это делают палачи, предварительно объяснив карлику, что он умрёт и за что.

Шли дни. Огурцов прекрасно управлял заводом, набивая карманы Арбузова звонкой монетой. Артём не скупился, вознаграждая работу управляющего – пятьдесят тысяч в евро, плюс премиальные, служебное авто и квартира в центре. У рабочих, правда, были постоянные перебои с малой зарплатой, ну да, пошли они куда подальше, пусть бы и тростник жрали с глиной, всегда ведь так было! А план, как в СССР – дело святое. Только тогда работяги прибыль себе делали и государству, а теперь только ему, великому Арбузову, которому теперь Россия была по боку – только бы побольше выкачать деньжищ и сбежать в Европу толстосумом. У Артёма теперь были великие планы! Он тоже купит себе замок во Франции, какой-нибудь футбольный клуб и большую яхту... А надо, как мальчиш-плохиш, родину продаст за преуспевание в Европе или Штатах, только бы его приняли в семью богатеев-космополитов! Он уже понял, что для него Россия – ничто, ОН – великая личность, которая может наплевать на Родину и вскормившую его нацию, ограбить свою страну и свой народ, и опираясь на эти капиталы, попытаться влезть в маленькую группку богатых подонков, называющих себя мировой элитой...

Жизнь Коротышки оборвалась в один из дней дождливого октября.

Артём, полным хозяином (походкой на раскорячку), гулял по территории завода, заглядывал в цеха, многочисленные помещения, холодные и тёплые склады.

В одном из больших складов, он увидел молодую кладовщицу, явно замужнюю и детную, с волнующей полной грудью и широкими бёдрами. Он без слов схватил её в объятия, стал целовать. Женщина онемела, вдруг поняла, кто это. В ней оказалась невероятная сила – она оттолкнула от себя Арбузова, и бросилась бежать.

Он настиг её у самых дверей склада, поймал за руку, рывком развернул к себе, и тут же получил сочную оплеуху – в её глазах светилась ненависть, и яростная решимость отстаивать свою честь до конца.

В ответ, Арбузов сбоку заехал ей ладонью в ухо и завалил на пол.

Он подошёл к ней, схватил за волосы, расстегнул ширинку своих дорогих брюк, вывалил упругий, пульсирующий желанием, член, и потянул кладовщицу за волосы вверх, намереваясь всунуть ей в рот и принудить к минету. И вдруг задохнулся. Боль, страшная, оглушающая, аж уши заложило, а комок воздуха грозил взорвать легкие изнутри, вихрем пронзила его – женщина двинула его кулаком в промежность.

«Неужели покалечила?», – хватая ртом воздух от боли, подумал Артём, корчась на пыльном полу склада, слушая, как убегает кладовщица...

Он кричал минут пять, согнувшись в комок на бетонном полу. Придя в себя, вытерев слёзы, разрываемый злостью (Почему другим всё, а ему ничего?!), вышел к проходной, рыкнул на шофера за нерасторопность, и велел ехать на дачу – он отомстит за себя, отомстит всем и сразу, он лично казнит карлика!

По дороге, проезжая мимо конторы Рогова, красивого здания из тёмного стекла и красного кирпича, велел шофёру притормозить, вышел, огляделся, достал из кармана брюк заранее припасённый мелок, и быстро подойдя к забору из бетонных плит, написал большими печатными буквами: «РОГОВ – рогач!».

Шофёр, вышедший из машины, радостно заржал.

Это возмутило Артёма – что, это быдло считает себя равным ему, великому заводчику?!

Злой Артём врезал ему кулаком в лицо, но не сильно, чтобы мог вести машину.

Парень затих, всю дорогу скованно смотрел вперёд, то и дело, как робот, переключая скорости.

Прибыв на дачу, разъярённый неудачей с кладовщицей, и сочно представляя, как окучивал Анну гадкий Карлик, Арбузов велел вывести из подвала Коротышку, раздеть до нага, и привязать к сосне.

Похоронив Анну, Артём, к своему неудовольствию, ощутил неодолимую тоску по ней. Получалось, что он всё-таки любил её, любил по-настоящему глубоким светлым чувством, а эта маленькая срань всё испоганила своим гигантским членом. Давясь обидой, Арбузов стал прицельно бить Коротышку крепко сжатым кулаком в губы и нос, мощными ударами превратив ненавистное лицо в месиво. Коротышка потерял сознание, свесил голову. Артём потребовал нож, и ловко, ухватив рукой член и яйца Коротышки, отсек их, замаравшись в крови. Пронзительный крик, многократным эхом, запрыгал между соснами. Мощным ударом Арбузов вогнал нож по самую рукоять в печень парня. Тот обрызгался кровью, и умер. Архары послушно убрали труп. Артём каждому дал по тысяче долларов на выпивку, и разрешил привезти на дачу шлюх.

Усталость и ощущение утраты, гнетущим камнем, сдавили душу – он отделался от Анны окончательно. Захотелось выпить.

Приехав в свою городскую квартиру, вместо детей, нашёл записку на обеденном столе в зале – дочь гуляла с девчонками из института на вечеринке, сын уехал на рыбалку. Арбузов выпил стакан водки. Вот тебе и мир в семье, любящие дети, теплота, уют – один в пустой квартире! Дочь танцует в ночном клубе (хотелось в это верить!), ну, а сын, явно, отправился на ловлю двадцатилетних щук с золотыми зубами.

Он пил и думал. О детях, и об Анне, и совсем не вспоминал о казнённом Коротышке.

Вспоминая Анну, он подумал о неудаче с кладовщицей, и понял, что сексуальное желание к той замужней молодой женщине не утихло после убийства Карлика. Даже изрядная порция адреналина, после расправы над ним, не смогла погасить потребности сексуально опустошиться.

Артём позвонил Майре, и велел ей немедленно прийти.

Встретив её, проводил в зал, предложил выпить (почти приказал). Она отказалась. Он снял с себя брюки и трусы. Ну, и где волнующая сексуальность? Мерзость одна, больше ничего.

От этой мысли Артём ожесточился – не может он ничего сделать красиво, даже молодой женщиной, в экстазе, говоря красивые слова, лаская, принося ей радость близости...

Увидев его готовность к близости, Майра начала снимать плавки, но Артём мрачно качнул головой.

–Минет.

–Вы знаете –я этого не делаю.

–Почему?

Она пожала плечами.

–Начинай!

–Я не умею.

–Учись.

–Нет, я не буду.

Майра попыталась сесть на диван, продолжая снимать с себя чёрные кружевные плавки. В миг расшвырвав, Арбузов, что есть силы, врезал ей ладонью по губам, и в нос, другой раз, третий! Она взвизгнула, потом заорала благим матом! А он бил и бил, измазав ладонь кровью и соплями. Он изрыгал страшные ругательства, и бил, бил, войдя в экстаз, не владея собой и своим разумом, потом схватил её за короткие чёрные волосы, притянул к своему уже холодному бесчувственному члену, рыдающую, подрагивающую на костлявых коленях, толкнул в голову... И, о наслаждение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.